

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

ОТ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА К «НАРОДНОЙ ВОЛЕ» (переосмысление философской проблематики произведений Ф.М. Достоевского в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение»)

© 2011 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 06.12.2010

Рассматривается взаимосвязь философских идей террористов-народовольцев в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение» и взглядов героев Достоевского: Ивана Карамазова, великого инквизитора, Раскольникова.

Ключевые слова: свобода, философско-этическая проблематика, «Народная воля», политический эксперимент, исторические закономерности.

Ю.В. Трифонов всегда проявлял большой интерес и уважение к таланту Ф.М. Достоевского и опирался на опыт этого писателя при изображении человека в экстремальной ситуации «духа» [1, с. 18] или «быта» [2, с. 166]. Во многих произведениях Ю.В. Трифонова герои оказываются в очень напряженных положениях, порожденных факторами бытового, социального характера, как, например, в повести «Обмен». Но что касается романа «Нетерпение» [3], то в нем имеет место экстремальная ситуация как духовного, так и социального характера, и здесь можно увидеть творческое развитие традиций Ф.М. Достоевского в художественной разработке **философско-этической проблематики**. Прежде всего это, конечно, относится к понятию «нечаевщины», а в связи с ним – к роману Ф.М. Достоевского «Бесы» [4], т. к. в произведении Ю.В. Трифонова прямо затронуты нечаевский «Катехизис революционера» и проблема убийства по политическим мотивам. Это, безусловно, связывает «Нетерпение» с «Бесами». Однако несомненно и то, что в трифоновском романе существует более глубокий уровень раскрытия философско-этической проблематики, ведущий к другим произведениям Ф.М. Достоевского: к «Преступлению и наказанию» [5] и к «Братьям Карамазовым» [6], точнее, к «Легенде о великом инквизиторе» (при этом стоит отметить, что и мотивы «Бесов», в частности «шигалёвщины», тоже разработаны в «Легенде о великом инквизиторе», но в ней за этими мотивами стоит гораздо более сложная и

глубокая философская система, по сравнению с которой взгляды Верховенского и Шигалёва представляются поверхностными и даже несколько примитивными).

Героями трифоновского романа «Нетерпение» стали террористы «Народной воли». Наиболее глубоко и подробно разработан автором образ Андрея Желябова. Писатель рассматривает тот путь, который привел этого человека и остальных народовольцев к идее политического террора и к мысли о необходимости царубийства (кстати, в романе «Нетерпение» автор замечает, что Ф.М. Достоевский собирался привести к подобным идеям Алёшу Карамазова [3, № 3, с. 109.]). Не раз на страницах романа упоминается о том, что народовольцы движимы желанием **«подтолкнуть историю»**. Не случайно роман назван «Нетерпение»: главный герой Андрей Желябов, например, говорит, что «никакого терпения не хватит» ждать, пока человечество придет к обновлению путем нравственной эволюции [3, № 4, с. 57]. С его точки зрения, необходимо насильственное действие, которое подтолкнет и ускорит изменения в жизни общества. Если говорить конкретно, то террористический акт, направленный против главы государства, должен, по мнению Андрея Желябова и его товарищей, всколыхнуть Россию, дать новое направление её развитию: стать концом самодержавия и одновременно началом народовластия, основанного на конституции. Можно сказать, что это своеобразный **эксперимент над историей**. Террористы «Народной

воли» непоколебимо уверены в том, что он является правомерным и непременно принесет желаемые плоды. Однако в действительности он оказывается неудачным: «Громадная российская льдина не раскололась, не треснула и даже не дрогнула» [3, № 4, с. 84]. Правда, как пишет Ю.В. Трифонов, что-то «сдвинулось в ледяной толще», но последствия этого проявились лишь спустя несколько десятилетий [3, № 4, с. 84], а народовольцы надеялись на более быстрый и более впечатляющий результат. После решающего, казалось бы, акта, как всегда, «народ безмолвствует», не откликается на отчаянные действия своих освободителей. В последних эпизодах романа читатель видит, что Андрей Желябов и Софья Перовская даже по пути на казнь ни о чем свершившемся не жалеют и лишь горят нетерпением увидеть лица людей, освещенные новой мыслью, новым чувством, новым мироощущением, но в реальности ничего этого нет, всё остается по-старому. Действия террористов не одобрены, не приняты и даже не поняты народом. Единственная женщина, которая пытается проявить сочувствие к ним, сама оказывается жертвой толпы. Она исключение, которое, как известно, лишь подтверждает правило. *Народовольцы терпят поражение, потому что история не признает насилия над ее закономерностями. Опыт героев «Нетерпение» – доказательство тому «от противоположного».*

Почти за столетие до трифоновского романа Ф.М. Достоевским была воссоздана другая **экспериментальная ситуация**, которая затрагивала даже не судьбу отдельного государства, а **всемирную историю**. Поэма «Великий инквизитор», или «Легенда о великом инквизиторе», как принято её называть, дает нам представление о том, как сложилась бы жизнь человечества, если бы в основу её легли 3 принципа, сформулированные злым духом в виде трех искушений, отвергнутых Христом в пустыне. По мнению великого инквизитора, эти советы «могучего и умного духа» заключали в себе «всю будущую историю мира и человечества» [6, с. 316], потому что они учитывают природу как отдельного человека, так и всего человеческого муравейника («человейника», по выражению А. Зиновьева [7]). Именно по этой причине великий инквизитор делает все, чтобы «подтолкнуть историю» (если использовать выражение Андрея Желябова из романа «Нетерпение») в ином направлении, чем предполагалось христианством. Иван Карамазов, автор поэмы, исходя из убеждения, что его герой прав, выстраивает в своей поэме сложнейшую *философско-этическую экспериментальную ситуацию*. Перед нами разворачивается жизнь государства, основанная на

трех антихристианских принципах. Первый: накормить людей и тем самым поработить их. Второй: завладеть душами людей с помощью «обработки» сознания (чуда, тайны и авторитета). Третий: объединить человечество во «всеобщий и согласный муравейник» [6, с. 323], подчиняющийся единовластному правителю. По ходу монолога великого инквизитора перед нами вырисовывается определенный *социальный проект*: миллионы людей, лишенных собственной воли, но при этом субъективно убежденных в своей полной свободе, живущих в материальном благополучии и строгом порядке под тотальным контролем правящей верхушки. Основой духовной стороны жизни в этом государстве является религия, которая называется христианской, но на самом деле основана на антихристианских принципах. Каков же результат эксперимента, проведенного Иваном Карамазовым (и стоящим за ним Достоевским)? Система, логично выстроенная великим инквизитором, вроде бы формально неуязвима, но она *сама себя морально уничтожает*, «сжигает изнутри». Желая достичь счастья для максимального количества людей, великий инквизитор создает такую модель общества, что человек, если он подчиняется её законам, превращается в обезличенного и бездуховного раба, а если не подчиняется, то обречен на гибель как еретик. Не случайно Алеша Карамазов, слушая поэму своего брата, чувствует, что столь ужасная, по сути, жизнь в государстве великого инквизитора может лишь убедить мыслящего человека в том, что Христос был поистине прав, когда отверг три принципа, так высоко чтимые великим инквизитором. «Поэма твоя хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того», – говорит Алеша Ивану [6, с. 327]. Оказывается, что *Иван своим художественным экспериментом лишь доказал «от противоположного» правду Христа, точно так же как трифоновские герои своим реально осуществленным политическим экспериментом лишь подтвердили «от противоположного» исторические закономерности.*

В отличие от великого инквизитора, реализовавшего конкретный социальный проект, трифоновские герои имеют довольно смутное представление о том, как именно должна быть организована жизнь обновленной России. Им ясно лишь то, что в ней будут исключены социальная несправедливость и унижение человека со стороны представителей власти (каким путем – неизвестно). Побудительные мотивы действий народовольцев вполне гуманны и благородны, и их ненависть к существующему политическому режиму объяснима и, по Трифонову, оправдана. Выстраивая и поясняя для читателя пози-

цию Андрея Желябова, Ю.В. Трифонов включает в роман ретроспективный эпизод, связанный с печальным фактом из истории семьи этого героя. Будучи еще ребенком, он видел, как страдала Люба, его тетка, ставшая жертвой развратного и безжалостного помещика. Эта ситуация поразила мальчика и наложила отпечаток на все его мировоззрение. Андрей Желябов живет и действует, исходя из того, что *всевластие социальной верхушки и несправедливость простого человека – это безнравственный и антигуманный принцип организации социума и его нужно менять*.

Напомним, что из подобной же мысли исходил Раскольников, выстраивая теорию «крови по совести»: одним из факторов, приведших его к оправданию преступления, была *ненависть к социальному устройству*, при которой процветают лужицы, а мармеладовы обречены на страдания. Герой «Преступления и наказания» стремится проверить свою способность на решительный шаг и затем бросить вызов всем сложившимся устоям, перестроить общество. Вспомним, как горячо он доказывает Сонечке, что лишь *абсолютная власть* поможет решить социальные проблемы, чтобы таким, как дети Катерины Ивановны, не приходилось страдать. Цель Раскольникова гуманна, как и стремление трифоновских героев. Аналогична и цель великого инквизитора. Иван Карамазов доказывает, что герой его поэмы, беря в руки абсолютную власть, руководствовался отнюдь не «желанием земных грязных благ» [6, с. 327], а *любовью к человечеству*. Он внутренне не принимал ту мысль, что христианский путь может лишь немногих, сильных духом, привести к духовной гармонии и нравственному спасению, остальные же «миллионы, многочисленные, как песок морской», – слабые и вполне обыкновенные люди – останутся несчастными, «устроенными лишь в насмешку» [6, с. 328]. И чтобы осчастливить не только духовно сильных, а *всех*, он противопоставил христианскому пути совершенно иной путь – указанный «могучим и сильным духом». Правда, монолог великого инквизитора написан в духе философских рассуждений, в нем не акцентируется внимание на конкретных примерах, иллюстрирующих несправедливость общества, в котором люди обречены на страдания, как, скажем, тетя Люба Андрея Желябова или арестант Боголюбов, из-за унижения которого Вера Засулич стреляла в генерал-губернатора Трепова. Однако такие – или, пожалуй, даже более впечатляющие – примеры человеческих страданий приводит в своем монологе в главе «Бунт» автор поэмы – Иван Карамазов. Характерно, что для героев Ф.М.

Достоевского (Ивана, великого инквизитора, Раскольникова) наибольшее значение имеют не их собственные переживания, а страдания других людей, и точно так же для героев романа Трифонова, по крайней мере для их большинства, побудительным мотивом для решительных действий становятся именно *чужие* страдания. Лично Веру Засулич, например, никто не оскорбил и не унижил – она не смогла смириться с оскорблением и унижением другого человека. То же самое касается большинства народовольцев. Как показано в романе «Нетерпение», при желании они могли бы жить вполне благополучно, им не грозила социальная несправедливость, тем более участь мармеладовых. В рассуждениях Андрея Желябова подчеркивается, что все участники террористической группы, кроме него самого, были выходцами из благополучных и обеспеченных слоев общества, а некоторые – даже аристократами (Софья Перовская, например, была графиней, дочерью петербургского генерал-губернатора) и за свое собственное будущее, за свое достойное социальное положение им вовсе не нужно было бороться. Лишь Андрей Желябов – из крестьян, которые были в социальном смысле наиболее униженным сословием, но сам Андрей вполне мог бы благодаря образованию и таланту устроить свою жизнь благополучно, в чем ему всегда хотел помочь его тесть – влиятельный в обществе человек. Народовольцы как будто вообще лишены личных интересов (недаром Ю.В. Трифонов, названия произведений которого всегда несут в себе глубокий знаковый смысл, первоначально собирался назвать свой роман об этих людях «Бескорыстие»). Для трифоновских террористов личным интересом становится справедливость для всего народа, свобода и социальное благополучие в обществе. Стремление «утереть слезы» других побуждает этих людей к действию. Героями – как у Ф.М. Достоевского, так и у Ю.В. Трифонова – движут *интересы христианские и высоконравственные*. Однако они избирают *антихристианские и антимиражные способы действий*, которые в самом общем виде можно охарактеризовать одним словом – «насилие». Таким образом, этих героев объединяет принцип **утилитарной этики**: нравственно все, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей (так сформулировал его основоположник утилитаризма в этике И. Бентам [8]). К такой логике приводят, с одной стороны, восприятие обычных людей как слабых существ и, с другой стороны, гуманное отношение к ним как к заслуживающим уважения и помощи. У Ф.М. Достоевского и у Ю.В. Трифонова «на-

сильственные благодетели» человечества исходят из сочувствия к обычным людям, но при этом осознают, что эти люди не способны сами изменить собственную жизнь, сделать ее более достойной. Великий инквизитор жалеет обычного человека, но воспринимает его как ничтожное существо, которое не в силах вынести дар свободы и только ищет, «перед кем преклониться» [6, с. 323]. Раскольников (в рассуждениях которого уже заложено зерно, впоследствии выросшее в философию великого инквизитора) тоже, жалея «тварей дрожащих», в то же время презирает их: «Ко всему-то подлец-человек привыкает» [5, с. 26]. Андрей Желябов хорошо помнит, как его семья смирилась с судьбой тети Любы после неудачной попытки найти справедливость. Осознавая духовную слабость людей, не способных сделать решительный шаг, но в то же время желая помочь этим «миллионам, многочисленным, как песок морской», герои Ф.М. Достоевского и Ю.В. Трифонова приходят к идее насильственных действий ради будущего счастья человечества. И им представляется, что *антиморальные действия будут оправданы великой целью, в чем и заключается утилитарная этика*: «Утилитарная мораль, усматривающая свой идеал в «наибольшем счастье наибольшего числа людей»... не скажет вместе с Достоевским, что прогресс человечества не стоит одной слезы ребёнка; наоборот, если прогресс приводит к увеличению суммы счастья, то, с её точки зрения, он может быть искуплен многими слезами и страданиями, лишь бы моральный расход не превысил дохода» [9, с. 33]. Раскольников, например, в качестве первого шага к цели совершает убийство: ему необходимо проверить **свою** способность на решительный вызов устоявшимся закономерностям бытия, прежде чем брать в руки «власть над всею дрожащею тварью и над всем муравейником» [5, с. 313] и изменять сложившиеся нормы жизни. Великий инквизитор «разгорячен автодафе во сто сожженных еретиков» [6, с. 314]: ему, в отличие от его литературного предшественника Раскольникова, не надо проверять себя, и он без колебаний уничтожает тех, кто угрожает его системе, потому что только так можно сохранить государство, где большинство людей живут как счастливые младенцы, не ведая настоящей свободы выбора, не мучаясь вопросами добра и зла и не зная социальных проблем. Герои же романа «Нетерпение» живут пока еще в прежней, несправедливой, с их точки зрения, социальной системе и приходят к идее политического террора, который, как они считают, даст толчок переменам: по их мнению, необхо-

димо убить царя, чтобы общество освободилось от оков самодержавия и народ получил гражданские права. Во всех трёх случаях речь идет о **«крови по совести»**, о моральном оправдании насилия. Стоит отметить, что есть определенное сходство и в том, как **мотивируется выбор жертвы**. Раскольников горячо доказывает Сонечке, что процентщица – это безнравственное ничтожество, приносящее лишь зло окружающим. Народолюбцы устраивают сходки, на которых произносят речи о преступлениях царя перед народом и доказывают, что такой правитель недостойн жить и управлять страной. При этом, перечисляя пороки и грехи жертв, и Раскольников, и трифоновские герои стараются убедить не столько кого-либо другого, сколько самих себя в том, что «кровь» будет «по совести». Великий инквизитор своим страстным до горячности монологом тоже фактически «оправдывается» не столько перед Пленником (по словам Ивана, он может оказаться и Сыном Божьим, и просто человеком, и галлюцинацией 90-летнего старика, причем это даже не важно – важен для героя повод выговориться), сколько перед собственной совестью.

Герои Ф.М. Достоевского и Ю.В. Трифонова нуждаются в таком моральном оправдании, поскольку по своей природе они расположены к добру, а не к злу. Этим определяются их **нравственные страдания** из-за необходимости совершать зло. В этом смысле Раскольников уже стал хрестоматийным примером. Вся его «натура», противостоящая идее, – в его первом сне, где он испытывает самые естественные для человека чувства: ненависть к убийцам и жалость к жертве. И все его лихорадочное состояние определяется тем, что он не может спокойно пережить убийство. Что касается великого инквизитора, то и он изначально не был жестоким человеком и антихристианином. Наоборот, он начинал свой путь с того, что был последователем Христа и хотел служить добру. Кроме того, в конце поэмы, изложив все свои «железные» аргументы, обосновав необходимость казни Пленника, кардинал все-таки дрогнул и не смог пойти на такое. Финал поэмы говорит о том, что «натура» великого инквизитора, как и в случае с Раскольниковым, противоречит его идее, а это не может не вызывать нравственные страдания. Сам герой признается, что его мучает необходимость совершать нечто безнравственное, например, лгать людям, хотя эта ложь, по его мнению, служит их же благу. В романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение» не раз отмечено, что такие люди, как Андрей Желябов или Софья Перовская, не сразу и не просто пришли к политическому террору. Им долго хотелось

обойтись без крови, но в конечном итоге им стало ясно, что просветительская деятельность, политическая пропаганда не приводят к кардинальным переменам. А им хотелось осчастливить народ и избавить его от унижения как можно скорее: нетерпение – вот лейтмотив их образов, характеров. А по натуре эти люди далеко не злодеи, подтверждением чему может служить и такой факт: замысел убийства царя привлекает их именно тем, что это будет, с их точки зрения, *«последнее убийство»* [3, № 3, с. 104] (кстати, бывало и такое, что откладывались террористические акты, если существовала реальная опасность гибели ни в чём не повинных людей [1, с. 24]). Народовольцы искренне полагают, что *«последнее убийство»* решит все проблемы и больше не нужно будет проливать кровь. Одна жертва ради будущего счастья всех – идея, знакомая читателю по роману Ф.М. Достоевского *«Преступление и наказание»*. Андрею Желябову, готовящему покушение на царя, не верится, что он действительно сможет лишиться жизни другого человека. Точно так же Раскольников сомневается в своей способности пролить кровь: *«Я ведь не вытерплю, не вытерплю!»* [5, с. 58]. А великий инквизитор, который вроде бы принял логичное для него решение казнить Пленника, в конечном итоге чувствует примерно то же, что и Раскольников, и, пожалуй, мог бы выразить это теми же словами: *«Я ведь не вытерплю, не вытерплю!»* Тем не менее, как говорит Иван Карамазов, *«старик остается в прежней идее»*, хотя поцелуй Христа *«горит на его сердце»* [6, с. 330]. *«В прежней идее»* остались и Родион Раскольников, и Андрей Желябов. Однако *противоречие идеи и «натуры»* ярко проявляется в духовном мире всех трёх героев.

Переступая нравственные границы ради счастья большинства людей, герои Ф.М. Достоевского и Ю.В. Трифонова с одинаковой убежденностью и совершенно **искренне полагают, что им известно, в чем будет заключаться это счастье.** Их представление о человеческой природе опирается на их собственный разум, который Иван Карамазов называет *«эвклидовским»*, т. е. не наделенным многомерностью и не учитывающим те аспекты бытия, которые выходят за его рамки и не объясняются логикой. И разум приводит их к идее *«насильственного счастья»*. Однако социальный закон, воплощающий в себе это *«счастье»*, представляется героям Ф.М. Достоевского и Ю.В. Трифонова по-разному.

Раскольников еще не ставит перед собой вопроса о конкретном облике счастливого общества, но если он предполагает *«власть над всем муравейником»*, то речь идет, несомненно, о

некоем варианте тоталитарного государства. *«Социальный проект»* великого инквизитора – это тоже *«муравейник»*, где люди сыты и *«устроены»*, но при этом полностью зависимы от *«великих и сильных»*, управляемы ими. Великий инквизитор убежден, что счастье обычного слабого и ничтожного человека несовместимо со свободой. Правда, он признает, что в человеческой природе заложено стремление *«по своей глупой воле пожить»* (если использовать выражение *«подпольного человека»* [10, с. 113.]). Но он считает, что как только это стремление реализуется, свобода принесет человеку лишь страдания, т. к. она неразрывно связана с выбором и ответственностью, а это предполагает наличие большой нравственной силы и воли. Для слабого человека (а таково большинство людей) это невыносимо тяжело, и он – осознанно или бессознательно – ищет того, на чьи плечи можно было бы переложить эту тяжесть (эту мысль впоследствии разовьёт Эрих Фромм в философском трактате *«Бегство от свободы»* [11]). Поэтому великий инквизитор считает, что Христос совершил ошибку, когда дал человеку свободу выбора, отказался поработить его дух и разум с помощью чуда, потому что пожелал свободной веры. Герой поэмы Ивана Карамазова задумывает *«исправить»* подвиг Христа: взять у людей их свободу и сделать их полностью управляемыми. А учитывая все-таки внутреннее стремление человека к вольности, он оставляет людям *иллюзию свободы*. Это компромиссное решение, по его мнению, обеспечит успокоение и счастье для *«миллионов, многочисленных, как песок морской»*. Кроме того, с его точки зрения, человеческой природе свойственна потребность объединения во *«всеобщий и согласный муравейник»* под жесткой властью правителя.

У Ю.В. Трифонова герои живут в таком государстве, которое можно назвать относительно согласным *«муравейником»* (исключая, разумеется, революционеров, как и еретиков в государстве великого инквизитора), где весь народ подчинен абсолютной власти правящей верхушки, олицетворяемой царем. Однако именно это не устраивает таких, как Андрей Желябов и Софья Перовская. Они борются за то, чтобы дать людям свободу, и полагают, что этот дар сделает жизнь народа светлой и счастливой. Их *«социальный проект»* (хотя он и не конкретен, не совсем прояснён) строится на конституции и гражданских правах. Пожалуй, великий инквизитор мог бы сказать Андрею Желябову об обычном человеке то же, что сказал Пленнику: *«Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал»* [6, с. 322].

Итак, великий инквизитор и герои «Нетерпения» расходятся в решении вопроса о счастье и свободе, но общим для них является стремление осчастливить человечество насильственным способом.

Объединяет этих персонажей и **противоречивое отношение к христианству**. Раскольников не верит в Бога и иронизирует над Сонечкиными религиозными убеждениями, но в то же время искренне и горячо просит Полечку помолиться за него, когда та хочет чем-то отблагодарить его за сочувствие и помощь. Великий инквизитор в своей «политической практике» отвергает христианство, но не может пойти в этом до логического предела и казнить Пленника. Андрей Желябов, который морально готов был нарушить одну из главных христианских заповедей – «не убий», говорит на суде о том, что он по сути своей христианин, т. к. его цели совпадают с христианскими.

Все это лишний раз подчеркивает сложную диалектику добра и зла в душах героев романов Достоевского и Трифонова.

Сопоставление «Легенды о великом инквизиторе» и романа Трифонова «Нетерпение» показывает, что «дух великого инквизитора может являться и действовать в разных обличьях и формах, он в высшей степени способен к перевоплощению», как заметил в свое время Н.А. Бердяев [12, с. 266.]. Инвариантная суть философии великого инквизитора, в основе которой лежит утилитарная этика, допускает многие конкретные варианты. И один из них – это деятельность террористической организации «Народная воля» в России конца XIX в. Создавая посвященный ей роман «Нетерпение», Ю.В. Трифонов в художественной форме убедительно показал, как «*историческое нетерпение*», сопряжённое с личным бескорыстием и стремлением осчастливить народ, привело к одному из вариантов воплощения идеи великого инквизитора, в основе которой лежит непримиримое противоречие между гуманной целью и антигуманными средствами её достижения.

В процессе создания романа «Нетерпение» Ю.В. Трифонов явно обращался к духовному опыту Ф.М. Достоевского, ведь он даже изобразил этого писателя в качестве эпизодического персонажа и дал возможность своему главному герою – Андрею Желябову – заочно поспорить

с ним. Но остается открытым вопрос о том, была ли в поле зрения автора «Нетерпения» именно «Легенда о великом инквизиторе». Возможно, Ю.В. Трифонов прямо не обращался к «Легенде», но он напряженно обдумывал философию Достоевского в целом, его взгляд на природу человека, на вопрос о цели и средствах изменения мира. А «Легенда о великом инквизиторе» является квинтэссенцией философских взглядов Достоевского, и в ней все эти вопросы нашли столь яркое и отчетливое воплощение, что при решении подобных проблем игнорировать это произведение не представляется возможным.

Список литературы

1. Трифонов Ю. В. Нечаев, Верховенский и другие. // Трифонов Ю. В. Ядро правды. Статьи, интервью, эссе. М.: Правда. Библиотека «Огонёк», 1987. 64 с.
2. Окланский Ю. Юрий Трифонов. Портрет-воспоминание. М.: Советская Россия, 1987. 240 с.
3. Трифонов Ю.В. Нетерпение // Новый мир. 1973. № 3 – 5.
4. Достоевский Ф.М. Бесы. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 760 с.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 552 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 9–10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
7. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 2000. 459 с.
8. Бентам И. Отрывок о правительстве // Юм Д. Опыты. Бентам И. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии. Вып. 5. М.: Наука, 1896. С. 152–195.
9. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 6–65.
10. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 тт. Т. 5. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. С. 99–179.
11. Фромм Э. Бегство от свободы // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск: Попурри, 2000. С. 3–366.
12. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 250–290.

**FROM THE GREAT INQUISITOR TO “THE WILL OF THE PEOPLE”
(RETHINKING THE PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF DOSTOEVSKY’S WORKS
IN YU.V. TRIFONOV’S NOVEL “IMPATIENCE”)**

O.S. Sukhikh

The article considers the interdependence of the ideas of populist-terrorists in “Impatience” by Yu.V. Trifonov and the views of Dostoevsky’s characters: Ivan Karamazov, the Great Inquisitor and Raskolnikov.

Keywords: freedom, philosophical-ethical problems, “The Will of the People”, political experiment, historical regularities.